

ностью») — «это только форма»; на самом деле концепция Тарского субъективистская, потому что: 1) «Истина, по его мнению, выражает не отношение суждения к отражаемому им объекту, а свойства... определенных выражений»; 2) истину Тарский ставит «в зависимость от системы языка» (стр. 292). Здесь необходимо заметить следующее: критика идеализма и метафизики во всех их видах необходима. Но необходима серьезная критика, считающаяся с фактами. В данном случае, критика Тарского, необходимо признать как факт следующее: 1) истинность есть на самом деле с в о й с т в о с у ж д е н и й; и тот факт, что это свойство заключается в соответствии суждений действительности, этого не ликвидирует; никакого субъективизма здесь нет; 2) истинность как свойство суждений и проблема построения о п р е д е л е н и й этого свойства (истинности) применительно к суждениям различного типа — это не одно и то же; 3) определить истинность суждений различного типа [«S — P», «P (a, b,...)», «Если..., то...», суждений, содержащих знаки конъюнкции, дизъюнкции и т. п.] невозможно без выяснения их структуры. И тут Тарский прав, он излагает отнюдь не свои измышления, а общие места логики.

В работах Тарского, безусловно, есть что критиковать. Но полагать при этом, что из признания зависимости определения понятий «истинно», «ложно» и т. д. (применительно к суждениям) от логической структуры языка следует отрицание объективной истинности суждений, просто фактически неверно. Кстати, П. В. Коппин сам определяет истинность вопроса и побуждения (которые, по его мнению, суть суждения) в некоторой системе, а именно — ставит истинность вопроса и побуждения в зависимость от истинности некоторых суждений, лежащих в их основе (стр. 316, 321). Но он не квалифицирует это как отрицание объективной истинности вопроса и побуждения.

Е. М. Галкина-Федорук, приводя ряд высказываний из «Логико-философского трактата» Виттгенштейна, пишет: «при более вдумчивом отношении видно, что в этом трактате пропагандируется неверная теория, утверждающая, что предложение — определенная структура¹ терминов — должно быть соотносено, или, вернее сказать, должно соответствовать совокупности связанных объектов, т. е. язык отождествляется с явлениями природы» (стр. 402). Это «вдумчивое отношение» выглядит несколько странно. Устанавливая соответствие терминов и объектов, мы этим самым ни в какой мере не отождествляем язык с явлениями природы (термины с объектами, которым они соответствуют). Идеалистические ошибки Виттгенштейна при такой дезориентирующей критике остались совершенно не затронутыми.

Мы не ставили своей задачей оценку книги в целом и не отрицаем того, что она имеет известное достоинство. Однако ясность в вопросах, на которые мы здесь обратили внимание, является совершенно необходимым условием решения рассматриваемой в книге проблемы в целом и в ее деталях. В книге эта ясность отсутствует.

А. А. Зиновьев, И. И. Резвиц

НОВЫЕ РАБОТЫ ВЕНГЕРСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

I

Диалекты родного языка давно привлекали внимание венгерских лингвистов. Однако систематический сбор материалов по диалектам и единая обработка этих материалов развернулись лишь в 1950 г. Начиная с этого года в Венгрии было напечатано несколько интересных работ, посвященных вопросам диалектологии, знакомящих с творческими исканиями венгерских диалектологов.

В этой связи большого внимания заслуживает прежде всего сборник «Методы работы над лингвистическим атласом венгерского языка¹», изданный в 1955 г. под редакцией автора известного этимологического словаря венгерского языка акад. Г. Барци. Им написана первая статья, посвященная истории работы над лингвистическим атласом венгерского языка. Г. Барци отмечает, что первые попытки по изучению диалектов венгерского языка были сделаны еще в XIX в. Однако до последнего времени исследователи работали разрозненно, без единого плана или обследовали лишь отдельные районы в Венгрии. Лишь в 1949 г. в целях создания лингвистического атласа был разработан новый проект всестороннего изучения диалектов на территории Венгрии и Словакии. Был создан коллектив из опытных диалектологов, члены которого прежде всего установили количество вопросов в вопроснике и приняли решение об использовании транскрипции, разработанной Л. Даме на основе системы венгерского диалектолога Б. Чюри. В систему Чюри были внесены некоторые изменения, принятые на пер-

¹Сб. «A magyar nyelvátlasz munkamódszere. Tanulmánygyűjtemény», szerkesztette Bárczi Géza, Budapest, 1955.

вой венгерской конференции по изучению диалектов, а также дополнения из системы транскрипции финского ученого Э. Н. Сетэле.

Принципам составления вопросника посвящена интересная статья Л. Дэмэ. Вопросник для собирания материалов, пишет Л. Дэмэ, состоит из двух частей — из грамматической (фонетической и морфологической) и лексической. Составление вопросника, особенно его первой части, явилось исключительно трудной задачей ввиду огромного морфологического богатства венгерского языка. Глаголы, например, имеют 116 различных форм (с учетом форм наклонений, времен, числа и лица). Совершенно ясно, что при таком положении нельзя было охватить все морфологические особенности, и поэтому главной задачей составления лингвистического атласа являлся охват лишь основных особенностей, образующих систему и отражающих структуру изучаемого диалекта в целом. Исходя из этого принципа, вопросник был составлен так, чтобы фонетические явления были описаны полностью, морфологические — в меньшей мере, а лексические — лишь частично.

В дальнейшем Л. Дэмэ останавливается на принципиальных проблемах составления вопросника. В венгерских диалектах, в отличие от русских, лексические расхождения являются сравнительно незначительными, и поэтому для вопросника легко отобрать такие слова, которые являются общими для всей венгерской языковой территории и удобны для проверки изучаемого фонетического явления. Кроме того, звуковые особенности венгерских диалектов в большинстве своем не обусловлены фонетически (в отличие от русского языка) и в разных диалектах охватывают разное количество слов. Исходя из этого было решено исследовать определенное количество строго отобранных слов, которые способны показать степень распространения изучаемого фонетического явления в каждом отдельном диалекте. Подобный метод вполне оправдывает себя также и в области изучения морфологии.

Перечисляя исследуемые при помощи вопросов явления, Дэмэ отмечает, что большинство использованных в вопроснике слов относится к старым пластам венгерского языка. Некоторое количество слов, обозначающих более или менее новые понятия культурной и общественной жизни, включено в вопросник лишь в целях наблюдения над проникновением подобных слов в различные диалекты.

В статье, посвященной сети лингвистического атласа венгерского языка, М. Кэзмер сообщает, что количество населенных пунктов, выделенных для заполнения грамматической части вопросника, составляет 350 (из них 17 — на территории Чехословакии), т. е. один пункт приходится на 279 км² и на 27 900 жителей. Количество же населенных пунктов, выделенных для заполнения лексической части вопросника, составляет всего 163, т. е. около 5% всех пунктов, населенных венграми; при этом один пункт приходится на 570 км² и на 57 100 жителей. Пункты, выделенные для наблюдения над лексикой, всегда совпадают с пунктами, выделенными для наблюдения над фонетикой и морфологией; это дает возможность использовать сборщика грамматических сведений также и для собирания сведений по лексике.

В статье, посвященной вопросам фонетической транскрипции, Б. Кэльман отмечает, что венгерские диалектологи отказались от чисто фонологических записей, так как они не могут способствовать всестороннему изучению диалектных расхождений. Транскрипция, принятая для лингвистического атласа, является чем-то средним между фонологической и фонетической.

В самой большой по объему статье, написанной Л. Леринце, говорится о методе сбора материалов для лингвистического атласа. В статье описывается техника сбора материалов и попутно освещается ряд теоретических вопросов. Заслуживает внимания процесс подготовки сборщиков диалектологического материала. Новые члены коллектива выезжают на места вместе с опытными сборщиками; для проверки правильности записей в одном и том же селе должны побывать несколько сборщиков (одновременно или в разное время), причем сборщики в одних и тех же районах меняются, что дает им возможность контролировать друг друга.

Л. Леринце отмечает, что первые материалы сборов показывали некоторые неточности в вопроснике, которые потом постепенно устранились. Весьма важной представляется разработка методики опроса носителей диалектов. Л. Леринце рекомендует по возможности разнообразить эти методы, приспособляя их к исследуемому материалу и склонностям опрашиваемых лиц. Наиболее эффективными оказались приемы активного опроса, из которых автор перечисляет следующие: а) сборщик описывает предмет, название которого его интересует; б) сборщик начинает предложение, которое дополняется опрашиваемым лицом; в) сборщик предлагает перечислить названия дней недели, чисел, деталей известного предмета, названия знаков и т. д.; г) сборщик показывает рисунки предметов или предметы и просит назвать их (для этой цели вопросник снабжен рисунками); д) сборщик подражает каким-либо действиям и просит назвать их.

Наряду с этими активными приемами Леринце рекомендует использовать также приемы пассивные, т. е. наблюдать за местными жителями в процессе их разговора между собой. При помощи пассивного метода сборщик может подмечать диалектизмы, которые из чувства ложного стыда опрашиваемые лица не употребляют в разговоре

с городскими людьми. В этой связи Леринце рекомендует не опрашивать лиц, которые «стыдятся» своего диалекта и пытаются говорить, «как в городе».

Как отмечает Леринце, после заполнения вопросник нуждается в проверке, которую следует поручить другому сборщику. Работа над сбором материалов заканчивается последней окончательной проверкой, производимой только выборочно. При этом особое внимание следует уделять сомнительным случаям.

Картографированию собранного материала посвящена статья Ш. И м р е, в которой подробно описывается систематизация собранных материалов, нанесение их на рабочие карты, употребление на картах стандартных знаков, подготовка на основании результатов, полученных на картах, к следующему контролю сомнительных данных и занесение на карты окончательно проверенных данных.

Заслуживает внимания описываемый Л. Д э м е процесс выработки у сборщиков диалектного материала умения улавливать диалектные особенности опрашиваемых лиц на слух. Будущие сборщики диалектных материалов обучаются на курсах записи на магнитофоне. Опыт показывает, что уже после нескольких занятий ошибки в записях значительно уменьшаются, а после определенного числа занятий записи большинства «курсантов» в точности совпадают. В процессе прохождения курса выявляются и такие лица, которые не способны вести диалектологические наблюдения.

Большой интерес представляет статья известного специалиста по экспериментальной фонетике Л. Х е г е д ю ш а, посвященная использованию экспериментальной фонетики в работе над лингвистическим атласом. В статье не только освещаются методы практического использования магнитофонов, кимографов и т. д. для анализа явлений диалектов, но и решается ряд научных проблем. Так, на материалах венгерских диалектов автор доказывает, что дифтонги могут быть не только односложными, но и двусложными. По мнению Хегедюша, единство дифтонга обеспечивается не его сложным строением, а тем, что он составляет одну фонему.

Перечисляя основные приемы «субъективного» и «объективного» использования электро-акустической аппаратуры для анализа и проверки собранных диалектологических материалов, Хегедюш отмечает, что в настоящее время возможности инструментальной фонетики используются еще не в полной степени. Автор выражает надежду, что в будущем весь сбор материалов будет производиться при помощи аппаратуры, в связи с чем в истории лингвистических атласов наступит новая эпоха — эпоха точного анализа записей и их сохранения для потомков.

К. Е. Майтинская

II

Вышедшая в 1956 г. в Будапеште фундаментальная работа выдающегося представителя младшего поколения венгерских диалектологов Ласло Дэме «Функции и дальнейшие задачи нашего лингвистического атласа»¹ представляет собой диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставя вопрос об очередных задачах венгерского лингвистического атласа, автор излагает также свои мысли о содержании и построении диалектологических карт вообще. Отметим, что концепция Дэме в отношении создания атласа совпадает с той, которую в свое время уже выдвинул известный немецкий этнограф В. Песслер: практическая применимость атласа зависит не только от правильной записи диалектных фактов, но в такой же степени от надежности и последовательности приемов картографирования².

Первая часть книги Дэме (стр. 11—74) посвящена общетеоретическим и методическим вопросам, связанным с составлением лингвистических атласов. Автор подробно анализирует методы составления различных лингвистических атласов. По мнению Дэме, предмет диалектографического исследования не всегда может явиться основой картографической обработки диалектного материала, т. е. основной единицей лингвистического картографирования (стр. 22). Дэме безусловно прав, считая слово основной единицей подачи материала (эта проблема неоднократно подымалась в советской диалектологии). Признавая, что простое перечисление фактов без соответствующей обработки может послужить основой для идеалистических доводов, автор все же считает, что публикацию данных как таковую нельзя называть «идеалистическим методом», точно так же, как «нельзя назвать, например, словарь по своей природе идеалистическим только потому, что в нем заключены лишь данные, а не обобщающие законы словарного состава» (стр. 23).

В книге Дэме рассматриваются 44 языковых атласа, опыт составления которых используется им для готовящегося лингвистического атласа Венгрии. С точки зрения метода картографирования Дэме разделяет эти атласы на две группы: на группу «не

¹ D e m e L á s z l ó, Nyelvatlaszunk funkciója és további problémái, Budapest, 1956.

² W. P e s s l e r, Die geographische Methode in der Volkskunde, «Anthropos», Bd. XXVII, Hf. 5—6, 1932, стр. 720.

пояснительных» и «пояснительных» атласов. Непояснительными он называет карты, на которых (как, например, в атласе Жильерона) приводятся сами факты, пояснительными же — те, на которых применяются условные («пояснительные») знаки вместо данных (как, например, в лингвистическом атласе Германии). При этом 33% рассматриваемых автором атласов оказываются непояснительными и 67% — пояснительными. На картах первого типа даются отдельные слова или словосочетания (так называемые «карты слов»); на картах второго типа приводятся не конкретные факты, а фонетические, морфологические и т. п. выводы, сделанные на основании фактов (так называемые «карты явлений»). Большая часть изученных автором атласов (73%) представляет собой собрание карт слов; атласов, дающих карты явлений, не больше 27%.

Автор подчеркивает тот факт, что «атлас сам по себе не представляет исследования, а лишь основу для многочисленных последующих исследований» (стр. 33). Дэме считает пояснение необходимой задачей атласа; однако, по его мнению, пояснение должно быть увязано с научной систематизацией фактов.

Дэме весьма убедительно анализирует проблемы нанесения на карту материала. Он подчеркивает, что в лингвистическом атласе все собранные данные должны картографироваться в их первичном виде, т. е. так, как они обнаружены исследователями. Это, в свою очередь, возможно лишь при непосредственном нанесении данных на карту (стр. 36). Кроме того, в атласе практически необходимо фиксирование вариантов языковых явлений в диалектах (стр. 37).

До сих пор в диалектографии, как уже говорилось, применялся либо метод пояснения, либо метод прямого фиксирования на карте фактов в их первоначальной форме. Оба указанных метода обычно взаимоисключали друг друга. Дэме прав, утверждая, что эти методы отнюдь не антагонистичны и что совместное применение их при составлении карт (в том числе на одной и той же карте) даст желаемый синтез¹. Дэме предлагает использовать метод такого совмещения и при составлении венгерского атласа (стр. 42). В связи с этим, однако, возникает вопрос, не будет ли атлас слишком перегружен, на что с полным основанием указали при защите диссертации оба оппонента (Г. Барци и Л. Леринце)² и опасность чего отмечает сам автор (стр. 49). Согласившись с автором по вопросу о необходимости совмещения «карт слов» и «карт явлений», следует отметить, что мнение Дэме об «альтернативности» обоих типов карт в советской диалектографии основывается на каком-то недоразумении. На самом деле, Р. И. Аванесов отмечает, что «в атласе русского языка будет уделено равное внимание как отдельным языковым факторам, так и общим языковым явлениям», следовательно, в русском лингвистическом атласе будут и «карты слов», и «карты явлений».

Необходимо сделать ряд замечаний по поводу некоторых методологических положений автора. Дэме отвергает метод «штриховки», применяемый в голландском атласе³. Думается, что такой подход Дэме не совсем оправдан, поскольку при определении диалектальных границ чрезвычайно важны именно переходные зоны, и с этой точки зрения прием штриховки представляется весьма удачным⁴. Следует также отметить, что Дэме совсем не рассматривает весьма интересную попытку немецкой диалектографии — показать «нормальные линии» («Normallinien») данного обследуемого пункта и «нормальную границу» («Normalgrenze») определенной диалектной области посредством подсчета различий между отдельными обследуемыми пунктами [при этом диалектная карта делится обычно на так называемые «клетки» («Waben»)]⁵.

Карты слов, которые в системе Дэме составляют большую часть, не нуждаются в пояснениях. Необходимо, однако, пояснять материал карт, содержащих фонетические, синтаксические, морфологические и др. отклонения от нормативных правил языка. Дэме подчеркивает, что пояснять следует не только отклонения от нормы, но и сходные явления, этимологические или типологические родство и т. д. Весьма ценно и несомненно правильно указание Дэме на необходимость группировки различных карт

¹ Попытки такого рода совмещения были и раньше (ср.: L. Tesnière, Atlas linguistique pour servir à l'étude du duel en slovene, Paris, 1925; A. Saareste, Eesti mündatlas, vihk I—II, Tartu, 1938—1941).

² См. отзывы оппонентов в приложении к книге Ласло Дэме, стр. 319 и сл., 329 и сл.

³ См. L. Grootaers, Woordgeografische studiën, II — De nederlandse benamingen van den aardappel, «Leuvense Bijdragen», XVIII, 1926.

⁴ Ср., например, «Диалектологическую карту восточноевропейских языков» и «Диалектологическую карту южновеликорусских говоров» в кн. Р. И. Аванесова «Очерки русской диалектологии» (М., 1949) или «Диалектологическую карту восточнославянских языков» в кн. П. С. Кузнецова «Русская диалектология» (М., 1951; 2-е изд. — 1954).

⁵ См. отдельные работы, изданные в сериях «Deutsche Dialektographie» и «Mitteldeutsche Studien», в частности: R. Grosse, Die meissnische Sprachlandschaft, Hallea. S., 1955; W. Mitzka, Handbuch zum deutschen Sprachatlas, Marburg, 1952, стр. 100 и сл.; ср. также A. Bach, Deutsche Mundartforschung, Heidelberg, 1950, § 53.

слов (например, можно составить карты географических вариантов названия какого-либо предмета, карты региональных различий морфологической структуры итеративных или других глаголов и т. д.). Однако вывод о том, что редактор карт должен давать также этимологический и морфологический анализ приведенных слов в форме приложений (стр. 55), вряд ли можно признать обязательным условием. Это не может быть задачей редактора карт, это должен сделать исследователь, обрабатывающий материал данных карт.

Не вызывают никаких возражений замечания автора о системе условных знаков: «Система условных знаков должна указывать на существенные особенности, но тем не менее она должна также отражать второстепенные особенности...» (стр. 56). Однако предлагаемая автором система довольно сложна, и можно опасаться, что это несколько затруднит ее практическое применение¹.

Дэме выступает с новым предложением относительно сводных карт явлений: сводные карты не должны подменять карты отдельных слов, больше того, нельзя приводить одни факты лишь на картах слов, а другие — лишь на сводных картах. Цель сводных карт — быть иллюстрацией совокупности явлений, разбросанных по картам слов. В то же время сводные карты должны суммировать явления, обычно совсем не отраженные на картах слов (стр. 64 и сл.). Карты явлений автор делит на две большие группы (фонетические и морфологические карты явлений). Фонетические карты, с одной стороны, показывают разновидности тембра фонем во всех диалектах языка, а также социальную роль и взаимоотношения вариаций, с другой, они показывают степень нагруженности фонем, поясняя большую распространенность той или иной фонемы за счет других. Короче говоря, подобные карты должны показывать все важные явления изучаемых говоров. Такие карты, разумеется, подобно сводным картам по морфологии, могут быть только *полезными*.

Во второй, значительно более объемистой части своей работы (стр. 75—280) автор, опираясь на изложенные в первой части теоретические положения, дает в виде иллюстраций примеры обработки материала для атласа, построенного по его системе. Материал обрабатывается как в синхронном, так и в диахронном планах. В книге имеется много хороших примеров и комментариев к отдельным явлениям венгерских диалектов. Дэме совершенно правильно замечает, что — независимо от качества редакции — карты лингвистического атласа без необходимых комментариев ничего не дают читателю. В связи с этим Дэме справедливо критикует довольно распространенное мнение диалектографов-романистов о том, что атлас — простой инструмент опубликования языковых фактов (стр. 79 и сл.).

Третья, заключительная, часть работы заслуживает особого внимания. В ней приводятся выводы о том, как можно и нужно использовать изучаемый материал для целей исторической диалектологии (стр. 281—313). Развитие исторической диалектологии в Венгрии, как отмечает автор, имело три основных периода. Первый (примерно до 1920 г.) характеризуется тем, что исследователи не останавливаются на типизации диалектов разных письменных памятников, но стараются локализовать эти памятники; при этом они совершенно ошибочно переносят закономерности более или менее сходных современных говоров на древние диалекты. Во второй период (1920—1940 гг.) историческое и диалектологическое изучение языка разделяются: историки языка игнорируют достижения диалектологии, диалектологи, в свою очередь, оставляют историю языка без внимания или неправильно ее освещают. Лишь в третий, настоящий период, тесно связанный с деятельностью профессора Будапештского университета Г. Барпи, возникает историческая диалектология в современном смысле слова. Историческая диалектология, по мнению Дэме, — это диалектологическое изучение материала по истории языка и историческое изучение диалектального материала (стр. 289).

Рассматривая взаимоотношения синхронии и диахронии, автор приходит к выводу, что возможна лишь одна общая точка зрения на вопрос о внутренней группировке явлений; данные каждого явления должны группироваться согласно своей внутренней природе. Вместе с тем часто встречающиеся сходные явления в различных говорах могут быть разного происхождения, точнее — современное территориальное разделение отдельных языковых фактов возникло нередко в результате разного рода территориальной поляризации возможных языковых колебаний общенародного масштаба в прошлом (стр. 309 и сл.).

Труд Л. Дэме безусловно будет способствовать разрешению очередных проблем лингвистического атласа Венгрии. Кроме того, книга Дэме является значительным вкладом в развитие диалектографического метода, дающим возможность широкой лингвистической общественности ознакомиться с богатым и плодотворным опытом автора.

М. Хумтерер

¹ См. приложенные к книге Дэме макеты.